

Бенцианов М. М.

НОВГОРОДСКИЕ БОЯРЕ – НОВГОРОДСКИЕ ДЕТИ БОЯРСКИЕ. К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Обосновывая поход 1471 г., составители московских летописей риторически обвиняли новгородцев во «многих изменах». По словам автора тенденциозных «Словес избранных от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских», «сии людие новгородстии не первую измену показают». Волшебством был «отнят ум» у московского ставленника архиепископа Сергия, затем новгородцы «хотели убить Якова Захарича, наместника новгородцкого», что в лишний раз подтверждало их мятежный характер. Нелицеприятный взгляд на характер новгородцев был озвучен в летописном своде 1479 г. Рассказ об изгнании князя Романа в 1171 г. был дополнен едким комментарием: «таков бо бе обычай окаянных смердов изменников» [27, с. 7, 236, 238; 33, 258].

Извечные «изменные» склонности служили оправданием для проведения масштабных «выводов». Первые из них были произведены Иваном III уже в 1476 г., затронув шестерых представителей первостатейного боярства. С большим размахом выселения продолжились после присоединения Новгорода в 1478 г. В конце 80-х гг. по летописным данным было переведено «боле седми тысящ житих людей на Москву». Реальные цифры, вероятно, были в несколько раз меньше. В других летописях численность новгородцев оценивалась скромнее – «голов болши тысчи» – и, даже в этом случае, скорее всего, включала в себя не только землевладельцев, но и городских жителей – «житых» [6, с. 315–322; 31, с. 37, 238].

Упоминание в писцовых книгах «бояр новосведеных» и «сведеных своеzemцев» свидетельствуют, что подобные переселения продолжали проводиться и в 90-е гг. XV века. Григорий Михайлович Тучин, например, подписывал договор с Ливонским орденом еще в 1493 г. [44, с. 123]. Выселения затронули также новгородских купцов. Из Москвы стали назначаться архиепископы, окружившие себя представителями московских боярских и княжеских фамилий. В конце века на службе у Святой Софии состояли, в частности, князь Иван Иванович Кривоборский, Константин и Михаил Клеопа Васильевичи Кутузовы, Семен Яковле-

вич Бельский Плещеев, Василий, Иван и Захар Васильевичи Пушкины. Разгром ереси «жидовствующих» и конфискации земельных владений у крупнейших монастырей значительно ослабили позиции новгородского духовенства, тесно связанного прежде с правящей элитой. Судя по агиографической литературе, настоятелями некоторых новгородских монастырей также были назначены «москвичи». В житии Варлаама Хутынского упоминаются игумен Сергий, выходец из московского Андроникова монастыря, виновный в «оскудении хлебу» [11, с. 54]. Позднее Хутынским монастырем также управляли назначенные из Москвы клирики – Никифор, Досифей Тутолмин и инок Иосифо-Волоколамского монастыря Феодосий.

Можно констатировать, что борьба с новгородской «крамолой» велась сразу по нескольким направлениям. Ее основным инструментом стало переселение выходцев из Северо-Восточной Руси, большая часть из которых была представлена детьми боярскими. Именно они получили конфискованные у прежних землевладельцев «боярщины» и в определенном смысле стали наследниками самих новгородских бояр.

Идеологическое противостояние новгородского боярства и велико-княжеской власти, известное в основном со слов официальных московских летописцев, не вело к решительному отмежеванию от сложившихся в Новгороде традиций, тем более, что некоторые переселенцы сами оказались здесь далеко не по своей воле [5, с. 245–248].

При этом некоторые новгородские бояре, будучи переселенными в «города Московской земли», смогли занять здесь довольно видное положение. Уже во второй половине 80-х гг. жалованные грамоты на свои владения в Ярославском и Костромском уездах получил Павел Васильев Люткин. Позднее он был кормленщиком в Устюженском уезде [3, № 226–227, с. 247–248, № 241, с. 262]. В первой трети XVI в. должности волостелей занимали новгородцы Максим Доможиров (его родственник Гаврила Матвеев Доможиров в 1538 г. был волостелем в Балахне, а сын ключником в Нижнем Новгороде), Яков Скомантов, Яков Иванов Дмитриев Исаков. Последний приходился внуком казненному сразу после Шелонской битвы «крамолнику» Дмитрию Исаковичу Борецкому и правнуком «прелестные жены Марфы», знаменитой Марфы-посадницы. Кроме того, Иван Захарьин Овинов описывал земли в Нижегородском уезде, Кузьма Фефилатьев – в Рязанском, а Исаак Шенкурский был отмечен в разрядах в качестве одного из воевод у «наряда» [25, с. 171; 1, № 6, с. 9, № 9, с. 10; 42, с. 673–676; 35, с. 70].

Большое число потомков новгородских бояр было записано в Дворовой тетради по Юрьеву, Владимиру и Костроме: Самсоновы, Исаковы, Горошков, Шенкурские, Фефилатьевы, Новгородцевы, Кузьмин, Телятев, Подножкины [41, с. 149, 151–152, 155]. Очевидно, что уже в начале века представители этих фамилий входили в состав Государева двора. Идеологический пафос противостояния, таким образом, не слишком препятствовал прагматическому использованию «новгородцев» в интересах организации управления и службы.

Стоит подчеркнуть, что «выводы» местных землевладельцев в Новгородской земле производились без какого-либо плана. Изначально не ставилась задача полной ликвидации боярского землевладения. Процесс земельных конфискаций растянулся на несколько десятилетий, в ходе которых пришлые «московские» землевладельцы соседствовали со «старыми боярами». Первые поместные грамоты были выданы уже в 1482 г., в то время как некоторые бояре (например, уже упомянутый Г. М. Тучин) занимали свое место еще в начале 90-х годов. «Новгородская сила», участвовала в 1481 г. в походе «на немцы», а в 1485 г. в завоевании Тверского княжества. То есть, в течение, по крайней мере, одного десятилетия пришлые «москвичи» соседствовали и несли службу совместно с представителями местного боярства.

Анализ писцовых книг позволяет сделать предположение, что некоторые бояре на первых этапах выселений сами получили пожалования из фонда конфискованных земель. Г. М. Тучин владел землями, принадлежавшими прежде Кузьме Фефилатьеву и Ивану Кузьмину. «Боярщины» Ивана Лошинского достались Власу, Василию и Ионе Космыниным [4, с. 268].

Некоторые из прежних землевладельцев, несмотря на признание рядом историков тотального характера «ломки старого землевладения», сумели не только сохранить свои земли, но и получили статус полноценных детей боярских. И если Андрею Савелову (Савельеву), однофамильцу «москвича» Гневаша Савелова, и братьям Якову и Петру Дементьевым Луневым достались в поместья части их собственных земель, то, например, поместье С. Лисичникова было составлено из участков других лиц [27, с. 175, 232, 237].

Распространенность некоторых фамилий и их происхождение от личных имён не позволяет сделать выводы о более широком представительстве новгородцев среди помещиков, хотя такой вариант кажется вполне вероятным.

Часть боярских вотчин перешла к «москвичам» в виде приданого за новгородскими боярышнями. Описание конца 90-х гг. зафиксировало ряд подобных примеров. Среди представителей первостепенных родов породнились с новгородцами Василий Захарьич Кошкин, передавший своему сыну фамилию Ляцкий (от Лядского погоста Шелонской пятины), Иван Андреевич Черный Колычев и Илья Васильевич Квашнин. Менее знатное происхождение имели Филий Борисов (Трофимов), Иван Андреев Наумов, Тимофей Иванов Зезевитов и Тимофей Иванов Окунь Линев, хотя и они, скорее всего, входили в число дворовых детей боярских.

Зезевитовы в середине XVI в. служили по «дворовому» списку из Переяславля-Залесского, а Трофимовы – по Юрьеву. И. А. Наумов, вероятно, происходил из коломенцев Наумовых, входивших в окружение великого князя. Его потомки числились среди дворовых Деревской пятины. Сын Т. Окуния Линева, Андрей в 1545 г. получил в кормление половину «писчего» в Рузе, а его сын Иван находился среди дворовых Водской пятины [38, с. 68, 84, 152, 159–160; 2, № 201, с. 169].

Интересно отметить, что при помощи браков породнились между собой И. В. Квашнин, Т. И. Зезевитов, а возможно и В. З. Ляцкий, связавшие свои судьбы с родственницами новгородского боярина Федора Андреевича Хромого [20, ст. 56, 306; 19, ст. 222; 15, с. 57–60].

Действуя подобным образом, представители новгородского боярства стремились упрочить свое положение в ходе начавшихся земельных конфискаций. Эта цель не была достигнута в полном объеме. Родство с семьями приближенных великого князя не спасло их самих от выселения. Земли, оставшиеся за пределами приданого, были отобраны. «Приданные боярщины», тем не менее, остались за новыми владельцами. До поры до времени на подобное уменьшение фонда государевых земель смотрели «сквозь пальцы». Существенное увеличение размеров наделов задействованных в них детей боярских было даже учтено при последующих раздача и, таким образом, узаконено де факто.

Впоследствии судьба этих «боярщин» сложилась по-разному. На рубеже веков, при наметившемся дефиците земель для новых раздач, «незаконные» приобретения служилых людей обратили на себя внимание новгородской администрации.

Конфискации подверглись владения Ф. Б. Трофимова и И. А. Наумова. У Т. И. Зезевитова были отняты земли в Бежецкой пятине, в то

время как водскую часть своего поместья он смог благополучно передать сыновьям. Отобранны были «приданные» земли и у Окуния Линева, хотя позднее часть из них вернулась обратно, составив впоследствии поместье его сына Андрея [17, ст. 374, 516; 19, ст. 16, 23, 24, 186, 190, 291; 21, ст. 56]. В полном объеме, как это всегда бывает, сохранили свои новгородские земли более знатные Иван Васильевич Ляцкий, И. А. Черный Колычев и И. В. Квашнин. Владения И. В. Ляцкого и И. А. Черного Колычева имели статус вотчин и могли передаваться по наследству без санкционирования великокняжеской властью. Потомки И. А. Черного Колычева сохраняли их за собой еще в 80-е годы XVI в. Земли И. В. Ляцкого были конфискованы только после его бегства в Литву в 1534 г. [14, с. 120–123; 26, с. 128–129].

За исключением И. В. Ляцкого, потомки всех перечисленных «москвичей» впоследствии были тесно связаны по службе с новгородской корпорацией.

Часть помещиков составили «люди» новгородских бояр. В их число вошло несколько десятков «ивангородцев» – «пятиобежников», получивших наделы в Водской и Шелонской пятинах неподалеку от Ивангорода. Более весомыми были наделы некоторых других слуг новгородских бояр, ставших полноценными детьми боярскими. Всего удается насчитать порядка 18 подобных примеров: «люди» Ивана Лошинского, Ивана Петрова (Чашникова?) и Василия Никитина. Некоторые из них владели очень внушительными поместьями. Якову Бункову, «человеку» И. И. Лошинского (пожалованное ему поместье находилось неподалеку от владений его бывшего «господина») принадлежала, например, 61 обжа. Крупные размеры этих поместий объяснялись, вероятно, ранним временем их испомещения.

Сохранялся также пласт своеzemцев (земцев). Владения земцев и помещиков часто образовывали сложную чересполосицу, с обилием «вопчих» деревень. Земцы, числясь по особым спискам, несли службу (в том числе, и «далнюю») наравне с новгородскими помещиками. В писцовых книгах принадлежавшие им участки нередко именовались поместьями («дьяки новгородцы... дали в поместье земцу Сенке Тресте»; «прежние дьяки наши Вязга Суков да Ишюк Бухарин отделили были им, в тое придачу, из земетцких поместей, девять обеж»). Закономерно, что в конце XVI в. земцы были уравнены в правах с детьми боярскими.

В некоторых случаях можно говорить о созвучии фамилий «старых» вотчинников и сменивших их помещиков, которое не могло быть про-

стой случайностью. В Локоцком погосте Деревской пятине, присутствовал «боярин» Д. В. Кишкин и его дети. Здесь же получили поместья братья Ушак, Ширшик и Племянник Кишкины и их младшие родственники. Кишкиным позднее принадлежали вотчины на территории Можайского уезда, так что, скорее всего, эта семья была связана по службе с Андреем Углицким, переселившись на новгородские поместья уже после 1492 г. [18, ст. 7, 13, 21, 61; 38, с. 123].

В Шегринском погосте ситуация была более запутанной. Полными тезками были житий Алексей Васильев Квашнин, встречавший в 1476 г. великого князя Ивана III в Новгороде, и «новый» помещик с тем же набором имени, отчества и фамилии, который принадлежал к знатному старомосковскому боярскому роду. Его брату Михаилу Квашнину досталась «боярщина» Тимофея Квашнина сельцо Квашнино [18, ст. 187, 211, 224].

В Водской пятине обнаруживаются подобные «созвучия». Земли Луки Исакова Федотына достались трем братьям Федосовым «Шереметевским». Рядом с «боярщинами» Михаила Иванова Секирина поместья получили два брата Михаила Васильевых Секириных. «Старыми» вотчинниками были братья Лукины Норововы, в то время как среди помещиков упоминается Лука Пашков Нороватого [19, ст. 537, 569, 594, 745, 803, 899, 922]. В Бежецкой пятине известны были помещики Онаньины, среди которых был Ермола Яган. В той же пятине была расположена волость «Якимовская Онаньина» [25, с. 172, 227].

Трудно сказать, насколько осознанными было использование такого рода созвучий новгородской администрацией (а, в случае с Квашнинами, это весьма вероятно) при проведении поместных раздач. Подобная путаница приводила к тому, что, зачастую, сами новгородские дворяне, потомки первых помещиков, не могли или не хотели разобраться со своим происхождением. Уже через несколько поколений они использовали близость фамилий для создания родословных легенд, в которых подчеркивали связь с местными, хорошо известными по летописным сообщениям, боярами.

Статус детей боярских, как правопреемников бояр, несколько раз использовался при заключении соглашений с Ливонским орденом и немецкими купцами, утверждавшихся новгородскими наместниками. В «докончаниях» крест целовали «новгородские бояре» Семен Петрович и Иван Тимофеевич Замыцкие, Григорий Петрович Валуев, Иван Иванович Пушкин, Иван Федорович Заболоцкий, Тимофей Иванович Картмазов. Все они были выходцами из московских служилых фами-

лий и из массы остальных помещиков выделялись лишь своим более знатным происхождением [12, с. 246; 40, с. 60, 94]. Московское правительство уделяло большое внимание сохранению видимости преемственности. Вяземскими «боярами», отметившимися в порубежных столкновениях в конце XV в., рассматривались, например, дмитровцы Степан Повадин и Юрий Шепяков.

Наблюдатели из соседних западноевропейских государственных образований не видели разницы между новгородскими боярами и сменившими их детьми боярскими [см., например: 8, с. 564].

Подобное отношение было характерно и для бытового восприятия помещиков в самой Новгородской земле. В 1571 г. местный летописец как важное событие выделил смерть боярыни Евдокии Самариной. В следующем году было вновь отмечено: «постригли боярыню Васильеву жену Разладину». Самарины и Разладины были различными ветвями Квашниных, к которым в Новгороде было особое отношение. Как заметил А. Н. Насонов, Новгородская IV летопись по списку Дубровского содержала ряд легендарных сведений из истории Квашниных, касающихся выезда их предка Родиона Несторовича и его столкновений с Акинфом Великим. Происхождение этих уникальных известий связано было, видимо, с участием кого-то из Квашниных в работе над новгородским сводом 1539 г., составленным по повелению архиепископа Макария. На владычной службе отметились, в частности, Александр Васильевич (еще в конце 30-х гг. находился на великонижегородской службе) и его сыновья Иван и Андрей Рубцовых-Квашнини. Стоит добавить, что среди чудес Варлаама Хутынского было исцеление отрока Симеона Самарина от рода «болярска» [32, с. 166; 16, с. 271–272; 23, с. 36–37; 11, с. 63–64].

Устранению чужеродности московских «сведенцев» во многом способствовало усвоение ими сложившихся здесь духовных традиций. В том числе, принятие ими культов новгородских святых, а также налаживание связей с собственно новгородскими монастырями и церквями. Уже в конце XV в. московские переселенцы обращались за помощью к новгородским святым. Купец Алексей Курюков фигурировал в житии Зосимы и Савватия Соловецких [9, с. 277–278]. Его родственник Богдан Курюков упоминался в житии Александра Свирского, а позднее стал постриженником основанного им монастыря.

Учеником самого Александра Свирского был помещик («некий боярин») Андрей Завалишин, позднее получивший известность как Адриан Андрусовский. В житии этого святого фигурирует еще один поме-

щик, «боярин» Тимофей Апрелев. Игуменом Соловецкого монастыря в 30-е гг. XVI в. (с 1534 г.) был Алексей Юрьев, выходец из семьи помещиков Бежецкой пятини. Его родственник Савватий Юрьев был старцем Варлаамова-Хутынского монастыря [10, л. 466, 472, Л. 490 об., 495 об.; 11, с. 78]. Монахом Соловецкого монастыря в 1537 г. стал Федор Колычев, будущий митрополит Филипп.

Активное церковное строительство вели купцы Сырковы. «Попечением» Таракановых и Курюковых были возведены церкви в Новгороде и его окрестностях [7, с. 34–40]. При всей неоднозначности этого процесса (Таракановы, например, продолжали более «тяготеть» к собственно «московским» монастырям, делая туда крупные вклады), видно стремление этих «сведенцев» укрепить за счет подобных действий свое положение в городской среде.

В синодике Борисоглебской церкви середины XVI в. помимо собственно новгородцев были записаны поминования родов Ивана Ивановича Шушерина, Петра Ивановича Милюкова, князя Федора Мышецкого и Стефана Андреевича Пустошкина [43, с. 8].

Характерным показателем переориентации на новгородские ценности служит использование «москвичами» некоторых типичных для Новгорода до московского завоевания прозвищ и имен. Писцовое описание Шелонской пятини конца 30-х гг. XVI века зафиксировало у помещика Василия Иванова Колосова двух сыновей – Казимира и Короба [20, ст. 347]. Сочетание двух этих прозвищ в кругу одной семьи было далеко не случайно. В последние десятилетия новгородской независимости заметными персонами здесь были братья Василий Казимир и Яков Короб. Тысяцкий, а затем посадник Василий Александрович Казимир в 1456 г. «былся много» под Старой Русой. В 1471 г. был одним из предводителей новгородцев в Шелонской битве, где попал в плен и был отправлен в заточение. В 1481 г. он был среди воевод, посланных во Псков. Вместе с братом Яковом Коробом его «поимали» в том же 1481 г. [6, с. 255, 281, 306, 320]. Он, очевидно, был весьма популярен в Новгороде, позднее став прототипом былинного героя Василия Казимировича, хорошо известного среди сказителей русского Севера [34, с. 355–368]. Об известности В. А. Казимира свидетельствует упоминание его племянников Ивана и Григория Михайловых как «Казимировых сестричичей». При надлежавший ему в Новгороде сад еще в 80-е гг. XVI века именовался «Казимировым».

Использование прозвищ этих братьев-посадников В.И. Колосовым для обозначения своих сыновей свидетельствует о том, что память о них

сохранялась в среде новгородских детей боярских спустя полвека после присоединения Новгорода.

Не меньшей известностью пользовался Василий Буслаев, еще один герой новгородского былинного эпоса. Прозвище Буслай, производное от имени Буслав (Быслав, Сбыслав), встречалось в среде псковского боярства (Федор Буслаевич) и в самом Новгороде (например, вотчинники Быславские). В писцовой книге 30-х гг. XVI века упоминаются Буслай (Буслан) Ильин Понафидин и его брат Василий (как у былинного героя) [29, с. 275–276, 478; 30, с. 173]. Это же прозвище (Буслав) принадлежало в 70-е гг. XVI века одному из Лаптевых.

В Деревской пятине известен был носитель еще одного характерного, сугубо новгородского прозвища – Посадник Лопухин [29, с. 107]. Более проблематично определить происхождение его современников, помещиков Бежецкой пятини, Посадниковых (Посадней), которые могли быть связаны со «старыми» новгородскими землевладельцами.

Значительной популярностью в Новгородской республике пользовалось некалендарное имя Богдан. Писцовые книги рубежа XV–XVI вв. показывает, что среди «старых» землевладельцев это имя (личное имя, а также использование в виде отчества и фамилии) встречается не менее 8 раз: Есипов (Носов), Трубицын, Яковль, Перфуров (Кошкин), Кавский, Спицин (Спенцын), Норовов, Вырский, Александров (возможно, одно лицо с Богданом Вырским). Еще в нескольких случаях оно использовалось для обозначения отчества, фамилии и имени мужа (Иван Богданов Онуфриев, Василий Богданов Яконов (Воецкий), Константин Богданов Бабкин, Онанья Богданов, Савелий Богданов, Ивоня Богданов, Федор Богданов, Иван, Филя и Мартемьян Богдановы, Офимья Богдановская жена Тулитова). Наиболее известным персонажем в этом ряду был Богдан Васильевич Есипов, посадник и крупнейший землевладелец, «бояршины» которого были расположены на территории нескольких новгородских пятин.

У выходцев из Северо-Восточной Руси, фигурировавших в тех же писцовых книгах (порядка полутора тысяч имен), это имя не было зафиксировано ни в одном из возможных сочетаний. Писцовые книги конца 30-х гг., дошедшие в отрывочном виде, и платежная книга 1543 г. Деревской пятини показывают совершенно иную картину. Не менее 31 «москвичей» второго и третьего поколений, принадлежавших к различным социальным слоям, носили имя Богдан. 28 из них были детьми боярскими: Беклемишев, Шишмарев, Чириков, Оничков,

Порецкий, Темкин, Жиборов, Мякотин, Стогов, Репьев, Куликов, Мякинин, Воронов, Посохов, Родичев, Обутков, Луховитин, Шамшов, Клементьев, Кузминский, Борков, Печенегов, Рахманов, Борыков, Бутурлин, Румянцев, Хватырев, князь Корецкий; двое принадлежали к числу купцов – Птицын и Курюков, а Богдан Непоставов Рукавов был подьячим.

Ни в одном из приведенных примеров не удается проследить связь этих лиц с прежними новгородскими землевладельцами. Распространение этого имени, в первую очередь, было связано с восприятием ими новгородских традиций, носителями которых в первой трети XVI в. стали являться потомки московских переселенцев, хотя после появления на московской службе большого числа выходцев из Великого княжества Литовского это имя приобрело также определенную популярность и в других частях страны.

Сближение «москвичей» и «старых» бояр подтверждается анализом сохранившихся дворянских родословных. В членитной, поданной в 80-е гг. XVII века дворянами Савеловыми прямо указывалось на их происхождение от новгородского боярина Ивана Кузьмича Савелкова. Его жена с сыном Гневашом, якобы, после опалы остались в «новгородских пределах; и Гневыш с детьми своими служили по Новугороду, и с того времени прозванием стали сlyть и писатца Савеловы». Гневаш Савелов действительно упоминается в писцовых книгах, но его связь с упомянутым И. К. Савелковым выглядит маловероятной. Характерно, что эта легенда была повторена таким авторитетным знатоком генеалогии как Л. М. Савелов [37, с. 1].

Не понимая сути происходивших в конце XV в. перемен, Матюшкины также удревняли время своего появления в Новгороде. В их родословной упоминается легенда о пожаловании поместья Евсевию (татарину Албаушу) и его детям князем Александром Невским. О выезде предка к Василию Темному и пожалованию ему поместий в Деревской пятине писали также Лихачевы [36, л. 8 об.; 13, с. 152–154].

Аналогичная метаморфоза произошла в восприятии новых новгородцев (*sic!*) при московском дворе. Обращает внимание жесткая формулировка в преамбуле дозорной книги части Бежецкой пятини 1565 г.: «которые князи и дети боярские царя государя землю государеву крали и таили», демонстрирующая не слишком лицеприятное отношение московской администрации к новгородским помещикам [28, с. 48]. Мотив «измены», озвученный Иваном Грозным спустя несколько лет для обоснования опричного погрома Новгорода 1569–1570 гг.,

во многих деталях повторял выдвинутые столетие назад обвинения. В наказе послам, отправленным в 1571 г. в Вильно, на случай распросов о причинах новгородского похода вспоминались события XV в.: «коли князь Семен Лугвень и князь Михайло Олелкович в Новегороде были, ино и тогда Литва Новагорода не умели удержати» [39, с. 777]. «Изменный» характер новгородцев времен независимости, таким образом, был распространен на сменивших их московских купцов и детей боярских.

Со временем память о мятеежности новгородского боярства и его конфликтах с велиокняжеской властью ушла в глубокое прошлое. А воспоминания о силе и влиятельности местного «величавого» боярства стали частью наследия новгородского дворянства, во многом определив впоследствии его специфическое положение в системе других служилых корпораций Московского государства [24, с. 93–94, 202].

Список литературы

1. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Т. 4 / сост.: А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2008. – 632 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Т. 1 / сост.: А. В. Антонов, К. В. Баранов. – М.: Археографический центр, 1997. – 432 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3 / сост.: И. А. Голубцов. – М.: Наука, 1964. – 688 с.
4. Бассалыго, Л. А. Перечень сведенных новгородских землевладельцев / Л. А. Бассалыго // Писцовые книги Новгородской земли. – Т. 6. – М.: Древлехранилище, 2009. – С. 204–340.
5. Бенцианов, М. М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. / М. М. Бенцианов // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 3. – С. 241–277.
6. Бернадский, В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке / В. Н. Бернадский. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. – 399 с.
7. Варенцов, В. А. Московские гости в Новгороде / В. А. Варенцов // Вопросы истории. – 1982. – № 8. – С. 31–42.
8. Видекинд, Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 625 с.
9. Дмитриева, Р. Н. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы / Р. Н. Дмитриева // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. – СПб.: Наука, 1991. – 365 с.

10. Житие Александра Свирского. – РНБ. Погодинское собрание. – Ф. 874. – Л. 443–514 об.
11. Житие Варлаама Хутынского в двух списках. – СПб., 1881. – 110 с.
12. Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, конец XIV – начало XVI вв. / Н. А. Казакова. – Л.: Наука, 1975. – 359 с.
13. Лихачев, Н. П. Вкладная запись выдающегося генеалогического содер-жания / Н. П. Лихачев // Известия русского генеалогического общества. – СПб., 1903. – Вып. 2. – С. 149–164.
14. Лихачев, Н. П. Родство Колычевых с новгородцами / Н. П. Лихачев // Из-вестия русского генеалогического общества. – СПб., 1900. – Вып. 1. – С. 120–123.
15. Мятлев, Н. Родство Квашниных с новгородцами / Н. Мятлев // Изве-стия русского генеалогического общества. – Вып. 3. – СПб, 1909. – С. 36–60.
16. Насонов, А. Н. Материалы и исследования по истории русского лето-писания / А. Н. Насонов // Проблемы источниковедения. – М., 1958. – Т. 6. – С. 235–274.
17. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. П. И. Савваитов. – СПб.: Сенат. тип., 1859. – Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятини, около 1495 года. 1-я половина. – 461 с.
18. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. П. И. Савваитов. – СПб.: Сенат. тип., 1862. – Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятини, около 1495 года. 2-я половина. – 447 с.
19. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссии / подг. П. И. Савваитов, А. Тимофеев. – СПб.: Сенат. тип., 1868. – Т. 3: Переписная оброчная книга Вотской пятини, около 1500 г. 1-я половина. – 486 с.
20. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. А. И. Тимофеев. – СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1886. – Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятини. – 300 с.
21. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. С. К. Богоявленский. – СПб.: Сент. тип., 1910. – Т. 6: Книги Бежецкой пя-тини. – 544 с.
22. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. С. И. Богоявленский. – СПб.: Сент. тип., 1905. – Т. 5: Книги Шелонской пятини. – 359 с.
23. Новикова, О. Л. Из истории новгородского летописания XVI в.: Новго-родская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники / О. Л. Новикова // Очерки феодальной России. – М.-СПб.: Альянс-Архео, 2005. – Вып. 9. – С. 3–40.
24. Павлов, А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годуно-ве: 1584–1605 гг. / А. П. Павлов. – СПб.: Наука, 1992. – 279 с.

25. Пашкова, Т. И. Местное управление в русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели / Т. И. Пашкова. – М.: Древлехранилище, 2000. – 215 с.
26. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – М.: Древлехранилище. – Т. 5: Писцовые книги Деревской пятини 1550–1560-х гг. – 510 с.
27. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – М.: Археографический центр, 1999. – Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. – 432 с.
28. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – М.: Древлехранилище, 2001. – Т. 3: Писцовые книги Бежецкой пятини XVI в. – 304 с.
29. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – М.: Древлехранилище. – Т. 4: Писцовые книги Деревской пятини 1530–1540-х гг. – 866 с.
30. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2005. – 760 с.
31. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1853. – Т. 6: Софийские летописи. – 364 с.
32. Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – СПб., 1879. – Т. 3: Новгородские летописи. – Вып. 2. – 628 с.
33. Приселков, М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 325 с.
34. Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1999. – 638 с.
35. Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В. И. Буганов. – М.: Наука, 1966. – 613 с.
36. Родословная Матюшкиных. – РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 25. – Д. 2441. – Л. 8 об. – 10.
37. Савелов, Л. М. Материалы для истории рода дворян Савеловых. (Потомство новгородских бояр Савеловых) / Л. М. Савелов. – Т. 1. – Вып. 1. – М., 1894. – 215 с.
38. Садиков, П. А. Очерки по истории опричнины / П. А. Садиков. – М.: Изд. АН СССР, 1950. – 594 с.
39. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570): Т. 3 / изд. род набл. Г. Ф. Карпова. – СПб., 1892 – 807 с.
40. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5: Договоры России с европейскими и азиатскими государствами (1326–1584)] / предисл. Ф. Бюлер. – М.: Тип. Всеялложского, 1894. – 202 с.

-
41. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / ред. А. А. Зимин. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 449 с.
 42. Чеченков, П. В. Ранние писцовые описания Нижегородского уезда / П. В. Чеченков // Вспомогательные исторические дисциплины – источникование – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX Междунар. науч. конф. Москва, – М., 2008. – Ч. 2. – С. 673–676.
 43. Шляпкин, И. А. Синодик 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви / И. А. Шляпкин // Сборник новгородского общества любителей древности. – Вып. 5. – Новгород, 1911. – С. 1–9.
 44. Янин, В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий / В. Л. Янин. – М.: Наука, 1990. – 385 с.